

УДК 314.7:304.2:316.422:316.47:39
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-129-141

Ю. В. Попков

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный технический университет
пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия*

popkov@philosophy.nsc.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРИ)

Обосновывается рассмотрение миграционных процессов в качестве социокультурной детерминанты, определяющей формирование, динамику и трансформацию межэтнических сообществ. Общие концептуальные положения подкреплены выводами, полученными на основе обобщения исторического опыта развития этносоциальных процессов и межэтнических сообществ в Сибири. Показано, что их качественная характеристика обусловлена основными миграционными волнами, начиная с присоединения Сибири к России в XVI в. С этого периода определяющее влияние на развитие коренных народов оказывало переселившееся сюда русское население. Современный социально-экономический и этнокультурный облик Сибири является во многом продуктом миграционных процессов. Выделены геополитические, внутривнутриполитические, экономические факторы миграционных процессов и основные тенденции изменения под их влиянием межэтнических сообществ Сибири.

Ключевые слова: миграция, социокультурная детерминанта, этносоциальные процессы, межэтническое сообщество, мигранты, Сибирь, народы Сибири, этнонациональная политика.

Характерной особенностью современного мирового развития является не только определяемое глобализацией нарастание унифицирующей тенденции, но и действие тенденции прямо противоположной – усиление полиэтничности и этнокультурной сложности на разных уровнях организации общества. Прежде всего, это обусловлено воздействием миграционных процессов, приобретающих

все более масштабный характер. Почти трехкратное за последние 50 лет увеличения в мире миграционных потоков позволяет исследователям говорить о более высоких темпах роста числа международных мигрантов, чем численности населения [Рязанцев, 2007. С. 8]. Не случайно среди названий, которыми нарекают XX в., существует его определение как эпохи миграций [Castles, Miller, 2009]. Но эпохой миграций может стать и XXI в., если учесть интенсивность современных и предполагаемых будущих миграционных процессов. Так, А. Н. Чумаков говорит о грядущей масштабной миграционной волне, сравнивая ее с планетарным демографическим цунами, и прогнозирует новое Великое переселение народов [2017. С. 4]. Соответственно возрастает роль миграционных процессов в экономическом, демографическом, политическом, социокультурном развитии общества.

Миграция принадлежит к числу тех явлений, которые привлекают пристальное внимание ученых разной социогуманитарной специализации – истории, экономики, демографии, социологии, политологии, этнологии и пр. Этой теме посвящен огромный массив публикаций по широкому кругу конкретных вопросов, включая направления, причины, функции и последствия миграции, ее виды и пр. Феномен миграции – настолько комплексное и многостороннее явление, что к его оценке нельзя подходить упрощенно. Достаточно точную диагностику современной ситуации в данной области дает И. В. Ивахнюк: «Объяснять миграцию лишь динамикой демографических и экономических факторов было бы явным упрощением. Опыт показывает, что в странах с примерно одинаковыми темпами демографического роста и уровнем экономического развития происходят подчас совершенно различные миграционные процессы. Масштабы и направления миграции определяются взаимодействием множества переменных, таких как местоположение страны, ее место в системе мирового хозяйства, распределение доходов, безработица, развитие системы образования, характер политического режима, уровень безопасности жизни, экологическое (не)благополучие, наличие исторических политических и культурных связей с другими государствами, иммиграционная политика и т. д. Взятые вместе, эти факторы формируют склонность и возможности людей к миграции» [2015. С. 49].

В то же время применительно к настоящему периоду можно констатировать наличие в данной области двух доминирующих исследовательских направлений – экономического и политического (геополитического). В первом случае миграционные процессы оцениваются в качестве одного из важных условий экономического роста стран приема, и в данном отношении можно говорить о миграции

как экономической детерминанте развития. Во втором случае речь идет об исследовании политических и геополитических последствий миграции. Это направление является сейчас, пожалуй, самым актуальным. Наиболее очевидно и остро оно проявляется в Западной Европе в связи с массовым наплывом сюда беженцев, легальных и нелегальных мигрантов из стран Ближнего Востока, Северной Африки и Юго-Восточной Азии. «Миграционный кризис – у Европейского Союза нет решения», «Миграционный кризис в Европе обернется катастрофой» – таковы распространенные оценки сложившейся ситуации. Иммигранты воспринимаются как угроза национальной безопасности многих стран региона. В данном отношении можно говорить о миграционных процессах как политической (геополитической) детерминанте развития.

Менее популярным для исследователей является вопрос о влиянии миграции на социокультурную динамику, причем здесь наибольший интерес вызывает проблема адаптации и интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Практически еще не получившим достойной научной оценки выступает существенное воздействие миграции на этносоциальные процессы и трансформацию локальных и региональных межэтнических сообществ. Именно этот вопрос – обоснование миграционных процессов в качестве социокультурной детерминанты формирования и трансформации межэтнических сообществ – является основным предметом настоящего исследования с обращением, в качестве объекта конкретного анализа, к историческому опыту Сибири. Мы используем понятие межэтнического, а не полиэтнического сообщества, поскольку первое из них, с нашей точки зрения, характеризует не только дифференциацию этого сообщества по этническому признаку, но и определенный уровень его интеграции как результат межэтнического взаимодействия.

Прежде всего зафиксируем несколько значимых положений концептуального плана.

Во-первых, объектом миграционной, а также национальной (этнонациональной) политики следует определять не только мигрантов, межэтнические отношения и конфликты, как это обычно делается, но и лежащие в их основе этносоциальные процессы. В свою очередь, в качестве элементарного эмпирического объекта в исследовании и регулировании этих процессов целесообразно рассматривать не отдельные обособленные явления или социальные группы, а межэтническое сообщество как некоторое целостное образование, имеющее свои закономерности формирования и развития, во многом определяемые миграционными процессами [Попков, Тюгашев, 2017].

Во-вторых, известно, что миграционная подвижность населения, благодаря которой обеспечивается взаимодействие разных народов, свойственна не только современной, но также прежним эпохам. Она затрагивала различные регионы мира – Европу, Средиземноморье, Ближний Восток, Африку, Среднюю Азию, Кавказ и пр. Миграция является не просто значимым фактором, но социокультурной детерминантой развития многих обществ. Под ее влиянием возникали и рушились отдельные населенные пункты, государства, империи, цивилизации, возникали новые народы и уходили в историческое прошлое ранее существовавшие. В результате внутренних и внешних миграционных процессов формируется интернационализация (понимаемая как рефлексивное межэтническое взаимодействие), которая выступает закономерностью всемирно-исторического процесса на всех его этапах и законом развития всех исторических форм национальных (этнических) общностей. Современные достижения в исследовании миграции дают основания говорить о существовании «сложных и меняющихся во времени связей между миграцией населения и развитием общества, что позволило отказаться от таких банальных, но укрепившихся в сознании идей, как “миграция порождается бедностью”» [Ивахнюк, 2015. С. 49].

В-третьих, именно под влиянием миграции, действия основных ее функций, касающихся перераспределения, селекции и повышения подвижности людей [Рыбаковский, 2017. С. 58], происходит изменение структуры населения различных регионов, усиливаются взаимодействия представителей разных этнических групп, осуществляется этнокультурный обмен (знаниями, опытом, навыками, традициями и т. п.). На этой основе формируется и в процессе дальнейшего развития трансформируется межэтническое сообщество людей, проживающих на одной территории. Миграция и этносоциальное развитие – взаимосвязанные категории. Мало того, миграционные процессы выступают именно в качестве социокультурной детерминанты формирования и трансформации межэтнических сообществ.

Конкретные вопросы социокультурного влияния миграции на этносоциальные процессы и межэтнические сообщества рассмотрим на примере развития народов Сибири.

Применительно к далекой истории Сибири наиболее авторитетными являются основанные на обобщении большого массива археологических и исторических данных выводы акад. А. П. Окладникова. Он говорит о существовании под влиянием миграций разнообразных связей древних культур многочисленных местных племен с та-

кими большими этнокультурными образованиями, как финно-угры, тунгусы, палеоазиаты, а также тюрки и монголы [1973].

Наличие миграционной подвижности, постоянных и длительных контактов народов Сибири на всей обширной территории их традиционного расселения характерно и для всего последующего периода. Они проявляются во взаимном обмене пищей, орудиями труда, технологическими способами промысла, предметами быта. Вместе с тем имеет место заимствование отдельными группами народов не только элементов материальной культуры, но и некоторых видов присваивающего и полупроизводящего хозяйства (оленоводство) со всем комплексом сопутствующих им вещественных компонентов – орудий труда, транспортных средств, одежды, жилища и т. п. Эта возможность реализуется в результате совместного проживания и непосредственных контактов представителей разных этнических групп.

Присоединение Сибири к России в XVI в. стимулировало интенсивную иммиграцию в данный регион русского населения, обусловило появление здесь центров уездов, многочисленных крепостей (острогов), ясачных зимовий, других населенных пунктов. В результате уже в конце XVII в. русское население Сибири по численности преобладало над коренным [История Сибири..., 1968. С. 56]. После отмены крепостного права основную массу переселенцев в Сибирь составляли крестьяне. Только с 1861 по 1917 г. из Центральной России их переселилось сюда более 3 млн чел. [Бойко, Окладников, 1979. С. 168].

Можно сделать вывод о том, что главными факторами, определившими большие миграционные потоки в Сибирь разных групп русского населения, являлись: а) геополитический (присоединение данной территории к России), что вызвало приток сюда военных и административных работников; экономический (поиск хозяйственных выгод и прибылей), стимулирующий переселение сюда представителей купечества и промышленников; в) политический (отмена крепостного права), имевший следствием миграцию сюда больших масс крестьянства.

Взаимодействие с русскими сыграло существенную роль в развитии народов Сибири. В частности, они заимствовали у русских металлические изделия, служившие важным условием совершенствования промысловой деятельности. Этому способствовало и установление регулярных торговых отношений, приведших к значительному увеличению производства прибавочного продукта, предназначенного для обмена. Благодаря товарному обмену многие народы постепенно втягивались в систему складывающегося всероссийского рынка.

Распространение у народов Сибири под влиянием совместного проживания или соседства с русским населением животноводства и земледелия явилось благоприятным условием для уменьшения зависимости их жизнедеятельности от природных условий. Освоение производящего хозяйства компенсировало периодический недостаток продуктов питания, способствуя, в частности, снижению уровня смертности среди аборигенного населения.

В Сибири на протяжении веков рядом друг с другом живут народы, находящиеся на самых разных ступенях исторического развития. Еще со времен Российской империи была сформулирована мудрая концепция национальной политики в регионе: не сильно вмешиваться в образ жизни местного населения, но при этом обеспечить всем защиту, ввести всех в единое правовое поле. Власть действовала по принципу «интеграция без ассимиляции», который в настоящее время является востребованной и желаемой, но часто недостижимой формулой общежития. И такая политика дала результат – коренные народы Сибири включились в процесс развития государственности России, стали ее частью. Но при этом они не чувствовали себя ущемленными в плане своей самобытности. В результате отсутствовала почва для устойчивых массовых конфликтов на национальной почве.

Наибольшей интенсивностью миграционные процессы в Сибири отличаются в советский период. Особенно это касается активного промышленного освоения данной территории, связанной с добычей природных ресурсов. Экономический фактор миграции является основным для этого периода, а доминирующей группой переселенцев становятся рабочие и специалисты.

Важно отметить, что сюда переезжали люди разных национальностей из многих регионов СССР. В целом современный облик Сибири – как социально-экономический, так и этнокультурный – во многом продукт миграционных процессов. В частности, под их влиянием Сибирь стала гораздо более многонациональной (многоэтнической), чем большинство других регионов России. В результате миграционные процессы трансформировали региональные сибирские сообщества. Мало сказать, что они стали межэтническими. Практически повсеместно русские стали преобладающей этнической группой. Так, во всех субъектах федерации Сибири, кроме Тувы, к концу советского периода доля русских доминировала в общей структуре населения. При этом этносоциальная ситуация здесь как в прошлом, так и в настоящее время отличается относительной стабильностью и отсутствием открытых межнациональных конфликтов.

Опыт взаимодействия населяющих Сибирь народов с мигрантами оттачивался веками и постепенно. В итоге выработались механизмы самоорганизации и саморегуляции формирующихся и трансформирующихся межэтнических сообществ, которые до сих пор срабатывают. Они компенсируют существующие недоработки государственной политики в данной области.

Важной особенностью сибирского этнокультурного массива вообще и многих региональных и локальных межэтнических сообществ является то, что отмечавшееся ранее доминирование русского населения сохранилось вплоть до настоящего времени. Так, согласно официальным данным, в начале XX в. доля русских в Сибири в целом составляла 75 % всего населения, а последние переписи (1989, 2002 и 2010 гг.) фиксируют ее неизменность на уровне 84 %.

В то же время в отдельных регионах Сибири доля русского населения в общей численности населения за последние три десятилетия изменялась. Увеличение численности русских имеет место, например, в таких субъектах федерации, как Алтайский край (с 1979 по 2010 г. доля русских увеличилась здесь с 89,6 до 93,9 %), Омская область (с 80,3 до 85,8 %), совсем незначительно увеличилась их доля в Республике Хакасия (с 79,4 до 81,7 %), в Ямало-Ненецком автономном округе (с 59,0 до 61,7 %). Вместе с тем в этот период доля русского населения устойчиво снижалась в большинстве национальных образований: в республиках Алтай (с 63,2 до 56,6 %), Бурятия (с 72,0 до 66,1 %), Тыва (с 32,0 до 16,3 %), Саха (Якутия) (с 50,4 до 37,8 %), в Ханты-Мансийском автономном округе (с 74,3 до 68,1 %).

Тем самым в отдельных случаях можно зафиксировать процесс территориального сжатия русского населения, что обусловлено, главным образом, миграционными процессами. Причем здесь действуют две основные тенденции. Первая характеризует уменьшение доли русских в депрессивных и экономически неблагополучных регионах, что происходит в основном за счет выезда (эмиграции) русских отсюда. Наиболее яркий пример – Республика Тыва, где в настоящее время (точнее говоря, по итогам переписи 2010 г.) доля русских составляет всего 16,3 % (около 50 тыс. чел.), в то время как в 1989 г. их было 32,0 % (около 100 тыс. чел.). В экономически благополучных регионах уменьшение доли русских является результатом более активной иммиграции сюда представителей других этнических групп, прежде всего из республик Кавказа и Средней Азии. Так, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре с 1989 по 2010 г. доля русских сократилась с 66,3 до 63,6 %, зато доля азербайджанцев увеличилась с 1 до 1,7 %, представителей каждого этноса кумыков и лезгин – с 0,24 до 0,9 %, представителей каждого этноса кумыков и лезгин – с 0,24 до 0,9 %,

армян – с 0,19 до 0,4 %, узбеков – с 0,16 до 0,7 %, таджиков – с 0,05 до 0,64 %, киргизов – с 0,05 до 0,3 %. Причем следует учесть, что это официальные данные переписей населения, т. е. зафиксированы только граждане России, численность проживающих здесь представителей народов Кавказа и Средней Азии в реальности больше.

Территориальное сжатие русского массива сопровождается увеличением численности многих коренных народов Сибири. Так, с 1989 по 2010 г. население якутов (в границах России) увеличилось с 380,2 тыс. чел. до 478,1 тыс., бурят – с 417,4 до 461,4 тыс., тувинцев – с 206,2 до 263,9 тыс., ненцев – с 34,2 до 44,6 тыс., эвенков – с 29,9 до 38,4 тыс., хантов – с 22,3 до 30,9 тыс., манси – с 8,3 до 12,3 тыс. чел. Среди некоторых народов имеет место сокращение численности. Это касается хакасов и ряда малочисленных народов Сибири – ительменов, камчадалов, кереков, нанайцев, нганасан, удэгейцев, чуванцев, энцев и др.

Для большинства представителей коренных народов Сибири характерно компактное расселение в местах их традиционного проживания, в пределах своих национально-территориальных образований. При этом доля представителей титульных народов в составе населения соответствующих республик в последнее время заметно растет (в 2010 г. доля бурят увеличилась по сравнению с 1989 г. с 24 до 30 %, алтайцев – с 31 до 33 %, якутов – с 33 до 49 %, тувинцев – с 64 до 81 %, доля хакасов, при том, что она является в целом небольшой, выросла с 11 до 12 %).

Данное обстоятельство облегчает возможности этнической мобилизации этих народов и является важным политическим фактором этносоциального развития современной Сибири. В то же время можно говорить о тенденции «титулизации» населения республик, которая свойственна многим национальным республикам других регионов России, в частности, Северо-Кавказского и Южного федеральных округов.

Противоречивость данной тенденции рассмотрим на примере Тувы, где она является наиболее выраженной. Об этом красноречиво говорят отмеченные цифры, отражающие долю тувинцев в общей численности населения. Можно привести и другие данные. Как отмечает В. С. Кан, если перепись 2002 г. зафиксировала в республике представителей 112 национальностей, то в 2010 г. – только 87. Тувинцы составляют 99 % жителей в 11 из 17 районов республики, где почти все они не знают русского языка, говорят только на тувинском. Это создает основу для этнической замкнутости, а незнание русского языка существенно ограничивает для многих тувинцев возможности

социальной мобильности и карьерного роста. Автор делает важный вывод: активный отток русских из Тувы, продолжающийся до сих пор, «не только отражает остроту социально-экономических проблем, но и усугубляет их» [2015. С. 131–132].

Данной тенденции способствовали и политико-правовые решения. В начале 1990-х гг. в законодательстве Республики Тыва четко фиксировался приоритет прав титульного этноса. Это обстоятельство, наряду со сложной социально-экономической ситуацией, послужило фактором латентной напряженности в отношениях между представителями двух основных этнических групп – тувинцами и русскими. В настоящее время законодательство и практические решения в области региональной этнонациональной политики ориентируются на правовую защиту и всестороннее содействие в республике развитию этнокультурного многообразия, прежде всего, поддержку русскоязычного населения и русского языка [Тарбастаева, 2016].

В заключение обратим внимание на то, что после развала Советского Союза миграционные процессы в Сибири, как и в России в целом, существенно изменили свои причины, направленность, стали более интенсивными и приобрели во многом стихийный характер. Это оказало негативное влияние на этносоциальную ситуацию и динамику межэтнических сообществ, прежде всего в регионах, привлекательных для мигрантов. Произошел рост уровня полиэтничности не только в масштабах всего сибирского макрорегиона, но в конкретных субъектах Федерации, а также на локальном уровне. Изменилась привычная этническая структура, четко проявилась тенденция к концентрации людей по этническому признаку в процессе расселения и в сфере занятости. Усложнились межэтнические контакты, усилилась напряженность в межэтнических сообществах.

Как показывают результаты проведенных под руководством автора в разных регионах Сибири массовых и экспертных опросов населения, именно с мигрантами местные жители связывают осложнение национальных отношений. Миграция в современных условиях выступает одним из главных факторов межэтнической напряженности (подробнее об этом см.: [Попков, 2016]).

Исследования подтвердили зависимость миграционного притока и межэтнической напряженности от уровня экономического развития конкретного региона и его социальной привлекательности. В условиях сохраняющегося высокого уровня свободной (стихийной) территориальной мобильности проявляется четкая закономерность: чем выше общий уровень благосостояния в регионе и его социаль-

ная привлекательность, тем сильнее миграционный приток и выше уровень межэтнической напряженности, обусловленной перераспределением социальных ресурсов и вытекающими отсюда ухудшением этносоциального самочувствия местного населения и восприятием мигрантов в качестве угрозы своему социальному благополучию.

Из сформулированных выше выводов вовсе не следует заключение о негативном воздействии социально-экономического благополучия конкретного региона на его этносоциальную динамику. Проблема состоит в том, что в ситуации усложняющейся этнокультурной сложности прежние механизмы регионального управления далеко не всегда срабатывают, поэтому требуются более тонкие и более сложные технологии управленческой практики, учитывающие усложняющуюся архитектуру межэтнических сообществ. В частности, в рамках государственной национальной и миграционной политика актуальной является реализация программ не только адаптации и интеграции мигрантов, но также адаптации местного сообщества к изменяющейся в результате миграционных процессов этносоциальной обстановки. Данный ориентир должен иметь место и в конкретной практической деятельности, и в соответствующих доктринальных установках – в документах стратегического характера. Иначе говоря, существует необходимость корректировки государственной национальной и миграционной политики с учетом существующей ситуации и реальной динамики развития межэтнических сообществ.

Список литературы

Бойко В. И., Окладников А. П. Проблемы периодизации миграций // Методологические проблемы современной науки / Сост. А. Т. Москаленко. М.: Политиздат, 1979. С. 158–176.

Ивахнюк И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 36–51.

История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. / Под ред. А. П. Окладникова. Л.: Наука, 1968. Т. 2. 458 с.

Кан В. С. Основные тенденции этносоциального развития Тувы // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. Вып. 10. С. 128–133.

Окладников А. П. Этногенез и культурогенез // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. Всесоюз. конф. [Новосибирск], 18–21 дек. 1973 г. / СО АН СССР, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск, 1973. С. 5–11.

Попков Ю. В. Этносоциальные процессы в Сибири: актуальные вопросы теории и практики // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 5–31. URL: [http:// nit.tuva.asia/nit/article/view/92](http://nit.tuva.asia/nit/article/view/92) (дата обращения 10.03.2018).

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Феномен города как межэтнического сообщества // ЭКО. 2017. № 10. С. 7–19.

Рыбаковский Л. Л. Функции и последствия миграционных процессов // Социол. исследования. 2017. № 10. С. 56–63.

Рязанцев С. А. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2007. 576 с.

Тарбастаева И. С. Правовое поле этнонациональной политики в Республике Тыва (1991 – наст. вр.) // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 116–140. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/98> (дата обращения 10.03.2018).

Чумаков А. Н. Грядущая демографическая лавина: на пороге Великого переселения народов // Век глобализации. 2017. № 2. С. 3–19.

Castles S., Miller M. J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. 4th ed. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2009. 370 p.

Материал поступил в редколлегию 19.03.2017

Yu. V. Popkov

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State Technical University
20 Karl Marks Ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation*

popkov@philosophy.nsc.ru

**MIGRATION PROCESSES AS SOCIOCULTURAL
DETERMINANTS
OF TRANSFORMATION OF INTERETHNIC COMMUNITIES
(THE CASE OF SIBERIA)**

The paper justifies consideration of migration processes as a socio-cultural determinant, which shapes the formation, dynamics and transformation of interethnic communities. The general conceptual provisions are supported by conclusions obtained by generalization of the historical experience of the development of ethno-social processes and interethnic

communities in Siberia. It is shown that their qualitative characteristics are due to the main migration waves, beginning with the annexation of Siberia to Russia in the 16th century. Since this period, the Russian population that moved here had a decisive influence on the development of indigenous peoples. The modern socio-economic and ethno-cultural appearance of Siberia is largely a product of migration processes. Geopolitical, internal political, economic factors of migration processes and the basic tendencies of change under their influence of interethnic communities of Siberia are singled out.

Keywords: migration, socio-cultural determinants, ethno-social processes, ethnic community, migrants, Siberia, peoples of Siberia, ethnonational policy.

References

Boiko V. I., Okladnikov A. P. Problemy periodizatsii migratsii [Problems of periodizing of migration]. *Metodologicheskie problemy sovremennoi nauki [Issues of Methodology in Contemporary Science]*. Moscow, Politizdat, 1979, p. 158–176. (In Russ.).

Castles S., Miller M. J. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World* (4th edition). Basingstoke, Palgrave MacMillan, 2009.

Chumakov A. N. Gryaduschaya demograficheskaya lavina: na poroge velikogo pereseleniya narodov. *The Age of Globalization*, 2017, no. 2, p. 3–19. (In Russ.).

Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Siberia from Ancient Times to the Present]. Leningrad, Nauka, 1968, vol. 2. (In Russ.).

Ivahnjuk I. V. Razvitie migratsionnoi teorii v usloviyah globalizatsii [The development of the migration theory in the context of globalization]. *The Age of Globalization*, 2015, no. 1, p. 36–51. (In Russ.).

Kan V. S. Osnovnye tendentsii etnosotsial'nogo razvitiya Tuvy [The main tendencies of the ethno-social development of Tuva]. *Etnosotsialnyye protsessy v Sibiri: Tematicheskii sbornik [Ethnosocial Processes in Siberia: a Case Collection]*. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2015, vol. 10, p. 128–133. (In Russ.).

Okladnikov A. P. Etnogenez i kulturogenез [Ethnogenesis and the genesis of cultures]. *Problemy etnogeneza narodov Sibiri i Dalnego Vostoka [Problems of Ethnogenesis of the Peoples of Siberia and the Far East]*. Novosibirsk, 1973, p. 5–11. (In Russ.).

Popkov Yu. V. Etnosotsialnye protsessy v Sibiri: aktualinye voprosy teorii i praktiki [Ethnosocial processes in Siberia: topical questions of theory and practice]. *Novye issledovaniya Tuvy* [*The New Research of Tuva*], 2016, no. 2, p. 5–31. (In Russ.)

Popkov Yu. V., Tyugashev E. A. Fenomen goroda kak mezhehnicheskogo soobshchestva. *All-Russian Economic Journal*, 2017, no. 10, p. 7–19. (In Russ.)

Rybakovskii L. L. Funktsii i posledstviya migratsionnih processov. *Sociological Research*, 2017, no. 10, p. 56–63. (In Russ.)

Ryazancev S. A. *Trudovaya migratsiya v stranah SNG i Baltii: tendentsii, posledstviya, regulirovanie* [*Labor Migration in the CIS and Baltic Countries: Trends, Consequences, Regulation*]. Moscow, 2007. (In Russ.)

Tarbastaeva I. S. Pravovoe pole etnonatsionalnoi politiki v Respublike Tuva (1991 – nast. vr.) [Legal field of ethnonational policy in the Republic of Tyva (1991 – present)]. *Novye issledovaniya Tuvy* [*The New Research of Tuva*], 2016, no. 2, p. 116–140. (In Russ.)